

мои письма ячейка не обращает внимания». По каждой такой статье или опубликованному письму дается комментарий редакции с указанием, как нужно поступать. Но одно то, что проблему осветили в всесоюзной газете, может помочь ее разрешить.

В конце лета отдельный номер с двумя «Страницами пионеров Белоруссии» был посвящен полезному труду (раздел «Каждый колос соберем») и отдыху (раздел «В лагерях») пионеров. Также отдельно выделяется большая статья с рассказом о летней работе «Витебской коммуны имени Калинина», где были проведена художественная олимпиада самодеятельности: выставка живописи, рукоделия; выступления хора [7].

К концу 1934 г. чувствуется спад интереса к местным материалам, возможно «выдохлись» деткоры, чей материал составлял большую часть опубликованных на региональных страницах материалов. Так в декабре 1934 г. на «Странице пионеров Белорусской ССР» мы теперь видим и общие статьи о советской авиации («Воздушные киты», «Летающий сеятель») [8; 9] и юмористический уголок «Юный крокодил» [8] (хотя и сделанный как бы на местном материале, но уже не отражающий колорит белорусской пионерии). Поэтому закономерно, что в следующем 1935 г. региональные страницы уже не выпускались отдельными газетами.

Одновременно с ними редакция газеты «Пионерская правда» выпускала еще специальные номера и специальные выпуски / листовки с выездной редакцией, посвященные как отдельным регионам, так и важным для пионеров событиям в стране, которых по нашим подсчетам было выпущено более 30. Также выявлено 8 совместных выпусков с тремя региональными газетами: «Дновец» (г. Дно Псковской области), «Мыдан Тайяр» (Туркменистан, на русском и туркменском языке) и «Пионер Востока» (Узбекистан).

Подробнее хочется остановиться на трех листовках Агитвагона Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии (30 ноября – 7 декабря 1934 г.) [11; 12; 13]. Их редактором был активный деятель детского движения, бывший вожатый Артека, в будущем сотрудник Московского Дворца пионеров Владимир Викентьевич Нагач (1910–1988) [14, с. 62–63]. Сначала в листовках публикуются установочные материалы, обращения руководства, и просьба к пионерам Белоруссии писать о своих делах на адрес «Пионера Белоруси» [11, с. 1]. В следующих номерах уже большая их часть посвящена статьям юнкоров в разделах: «Пионерское шефство социалистической связи» и «Витебские пионеры за работой по шефству над связью» [12, с. 2; 13, с. 2].

Итак, в архивной подшивке редакции «Пионерская правда» сохранился уникальный комплекс газет по работе всесоюзной газеты с регионами в 1934 г. Была создана площадка для юнкоров всех областей СССР, где они могли публиковать свои материалы, рассказывать о местных достижениях и проблемах. Особенно активно ею воспользовались Московский и Ленинградский регионы, Белоруссия, Украина и Татария. Но «региональный эксперимент» в итоге был признан не оправдавшим себя: по трудозатратам за 1 год было издано материалов, как обычно выпускается – за 3; это колоссальная нагрузка на редакцию с угасающей к концу года отдачей с мест.

1. Гусев, А. И. Год за годом: Из летописи детского коммунистического движения СССР 1917–1981 гг. / А. И. Гусев. – 4-е изд., перераб., доп. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 208 с.
2. Пионерская правда. – 1934. – 6 марта. – № 29 (1328). – С. 4.
3. Пионерская правда. – 1934. – 18 марта. – № 35 (1334). – С. 3.
4. Пионерская правда. – 1934. – 26 марта. – № 39 (1338). – С. 4.
5. Пионерская правда. – 1934. – 4 апреля. – № 43 (1342). – С. 4.
6. Пионерская правда. – 1934. – 14 апреля. – № 48 (1347). – С. 4.
7. Пионерская правда. – 1934. – 4 августа. – № 99 (1398). – С. 1, 3.
8. Пионерская правда. – 1934. – 22 декабря. – № 167 (1466). – С. 3.
9. Пионерская правда. – 1934. – 28 декабря. – № 170 (1469). – С. 3.
10. Пионерская правда. 1934. // Архивная подшивка редакции газеты «Пионерская правда» : в 4 т.
11. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии. – 1934. – 30 ноября. – № 1. – 2 с.
12. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии. – 1934. – 7 декабря. – № 2. – 2 с.
13. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Витебске. – 1934. – 7 декабря. – № 3. – 2 с.
14. Сотрудники Дворца – участники Великой Отечественной войны. – М. : МГДД(Ю)Т, 2012. – 96 с.

Филимончик С.Н.
СТЕНОГРАММЫ XIII–XV КОНФЕРЕНЦИЙ КАРЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (1937–1939 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Научное изучение истории областной партийной организации, занимавшей в 1930-е гг. ведущую роль в политической жизни Карелии, фактически развернулось после политических реабилитаций хрущевской оттепели. В брежневскую эпоху были изданы основанные на архивных источниках Очерки истории Карельской областной партийной организации [2], при этом деятельность комму-

нистов в 1930-е гг. в этой книге освещена апологетически. Широкие возможности для системного изучения практики партийной работы открыла «архивная революция» 1990-х гг., но большинство историков партии в это время переключились на другие темы, и многие рассекреченные документы пока не введены в научный оборот. Изменился исследовательский вопросник, теперь в центре внимания историков, изучающих 1930-е гг., оказались пути рекрутирования властной элиты, инструменты воздействия власти на общественное сознание. В данном сообщении охарактеризованы рассекреченные в 1996 и 2008 гг. стенограммы XIII–XV конференций Карельской областной партийной организации (1937–1939 гг.). Они важны для характеристики правящей партии в период выборов в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и Верховный Совет КАССР. Конституционная реформа проводилась в условиях возрастания роли силовых структур. В 1938 г. Управление НКВД КАССР было преобразовано в Наркомат внутренних дел Карельской АССР. В 1937–1938 гг. действия этого наркомата вышли из-под контроля партийной организации Карелии. Более того, одним из ключевых направлений репрессий стали «чистки» партийного и государственного аппарата. Массовые аресты управленческих кадров подрывали устойчивость властных структур. После массовых репрессий выдвинулась когорта активистов, построивших карьеру, получивших политическое образование после разгрома партийной оппозиции и лично преданная Сталину.

В 1937–1939 гг. численность коммунистов в Карелии сократилась с 4,9 тыс. до 4 тыс. [1, с. 35]. Согласно докладам мандатных комиссий, в работе партийных конференций в 1937–1939 гг. участвовало от 175 до 232 делегатов, кроме того в 1938–1939 гг. на конференции избирались 43–73 делегата с совещательным голосом. Ежегодно состав делегатов существенно обновлялся. Таким образом, большое число коммунистов Карелии получили опыт участия в республиканских партийных форумах. При этом представительство разных социально-демографических групп существенно различалось. Согласно докладам мандатной комиссии, рабочих с производства (3–13 чел.), колхозников (3–4 чел.), хозяйственных руководителей было мало, большинство делегатов являлись работниками партийного аппарата, правительства, военнослужащими. Если в 1934 г. финны составляли 26 % делегатов XII конференции, то в 1937 г., когда шли репрессии против финских мигрантов, их представительство на областной партконференции сократилось до 9 %, а в 1938–1939 гг. финнов среди делегатов конференций вообще не оказалось. Стенограмма XV областной партконференции показывает, что в конце 1930-х гг. большинство партийных работников имели низшее образование, даже среди актива, избранного делегатами конференции, таких оказалось 46 %. В то же время около трети делегатов прошли политическое обучение (в комвузе, совпартшколе, на курсах марксизма-ленинизма и др.) [9, л. 31].

В годы нэпа областные партконференции проводились ежегодно, в 1928–1934 гг. – раз в два года, а с января 1934 г. до мая 1937 г. их вообще не было. В 1937–1939 гг. конференции вновь проводились ежегодно и были многодневными: в 1937 и 1938 гг. делегаты заседали по неделе, в 1939 г. четыре дня. При этом регламент работы конференции был достаточно плотным. Так, на XV конференции (1939) заседания проходили с 10 до 15 и с 17 до 21 часа. В первый день вечером после заседания предусматривалась художественная часть и товарищеский ужин [6, л. 23]. В коммуникациях управленцев были задействованы как формальные, так и неформальные связи.

Одним из центральных событий областной партконференции являлся отчетный доклад секретаря обкома ВКП(б). В 1937–1939 гг. докладчик ежегодно менялся. В мае 1937 г. с отчетным докладом о работе выступал П. А. Ирклис, которого командировали в Карелию из Ленинграда после того, как были отозваны в Москву «красные финны». Вскоре после XIII областной партконференции Ирклис, поддерживавший в 1925 г. оппозицию, был арестован и расстрелян. На XIV областной партконференции в июне 1938 г. отчетный доклад делал Н. И. Иванов, исполнявший обязанности первого секретаря Карельского обкома партии. Во время конференции Иванов был отозван из Карелии, а делегатам представили нового кандидата в руководители – посланца Ленинграда 32-летнего Г. А. Куприянова. Поскольку было заявлено о поддержке кандидата товарищем Сталиным, за введение приехавшего утром впервые в жизни в Петрозаводск Куприянова в состав пленума обкома партии проголосовали практически единогласно. «Против» голосовал всего один делегат [5, л. 31]. Куприянов вспоминал, что его послали в Карелию остановить расправы над коммунистами [10, л. 73], однако он активно участвовал в работе «тройки» осенью 1938 г., когда были осуждены 1805 жителей Карелии, 95 % приговоров – расстрел.

Отчетный доклад секретаря обкома ценен тем, что в нем особое внимание уделялось характеристике внутривластной обстановки. На XIII областной партконференции в мае 1937 г. резко критиковались нарушения Устава партии: сроков выборности, практика кооптации. В докладе приводилось много примеров льгот, чванства советских и партийных работников. По решению XVII съезда партии в 1934 г. структура обкомов ВКП(б) была реорганизована по производственно-отраслевому принципу, фактически возникли «дублиеры» наркоматов, хозяйственные «толкачи». Однако в 1937 г.

страна готовилась проводить первые всеобщие тайные выборы, поэтому в центр выдвигалась агитационная и пропагандистская работа. П. А. Иркис привел пример секретаря Кондопожского райкома ВКП(б) Шерешкова: «Знает, какого винта не хватает в машине на Бумкомбинате, сколько гаек в 1936 г. потеряно тракторами, а вот как поднять партийно-политическую работу на комбинате, он не всегда скажет» [3, л. 91].

В мае 1937 г. XIII областная партконференция проходила под лозунгом «Поднять революционную бдительность!» На эту установку отчетного доклада ориентировались, выступая, другие делегаты. На XIV областной партконференции в июне 1938 г. Н. И. Иванов признал острую нехватку партийных работников из-за большого числа исключений из партии. Партийный руководитель призвал помочь 1167 товарищам, впервые выдвинутым на руководящую работу. Однако значительно больший вес на XIV партконференции имело вступление наркома НКВД С. Т. Матузенко. Нарком грозно напомнил о «тягчайшем предательстве Троцкого», о «выполнявших указания финляндского фашизма врагах народа» и заявил: «Доклад Иванова слишком общий. Не поставил задач. Меня лично это не удовлетворило» [4, л. 58]. Поняв призыв, делегаты конференции развернули травлю уцелевших после 1937 года обкомовских работников.

На XV конференции (1939) нарком НКВД КАССР М. И. Баскаков, сменивший арестованного Матузенко, вновь обстоятельно расписал, что в приграничной республике основную опасность представляли буржуазные националисты (карбеженцы, иммигранты из Финляндии и Америки), а также троцкистское, меньшевистское и эсеровское подполье [7, л. 13]. Однако в выступлениях партийных работников были проставлены другие акценты. Первый секретарь обкома партии Г. Н. Куприянов признал опасной «обстановку огульного политического недоверия», сложившуюся в 1937 г. [8, л. 17]. Секретарь Петрозаводского горкома партии В. Р. Романов привел пример редактора газеты «Транспортник» Маклакова: тот оклеветал 20 человек. С удовлетворением отмечалось, что клеветник исключен из партии и предан суду [8, л. 82]. Теперь главной задачей называлась подготовка кадров, умеющих работать с населением.

В 1939 г. власть стремилась убедить граждан в правильности проводившегося курса. В докладе Председателя Президиума Верховного Совета КАССР М. В. Горбачева акцентировалось внимание на успехах в экономике и культуре. Делегатам конференции внушалось: «Колоссальные достижения нашей советской социалистической Карелии» [6, л. 30]. Еще активнее докладчик стремился увлечь слушателей заманчивыми перспективами, которые наметил план третьей пятилетки. Всячески подчеркивалась народная поддержка власти. Итоги выборов представительных органов, по мнению М.В. Горбачева показали: «Такого единства народа еще не знала и не знает история человечества [6, л. 25]». Секретарь Беломорского райкома партии Кузнецов отмечал: «Народ любит нашу партию, уважает её» [7, л. 37].

Значительную часть времени на областных конференциях отводили выборам, и стенограммы содержат ценную информацию биографического характера о партийном активе. Вопросы и комментарии, заданные кандидатам на ответственные посты, характеризуют настроения, установки партийного актива, атмосферу в партийной среде.

На XIII областной партконференции в новый состав обкома партии было выдвинуто 88 кандидатур, а избрали 51. Не включали в бюллетень фамилии тех, кто в 1920-е годы поддерживал оппозицию: читал их листовки, «не тому» дал рекомендацию в партию и т.д. Отказывали в выдвижении тем, кто хоть в какой-то мелочи, порой курьезной, не проявил почтения к Сталину. Пристрастно рассматривались кандидатуры финнов: отказывали имевшим родственников за границей, сохранившим финские паспорта, выданные в Российской империи. Несмотря на придирчивую проверку, половина избранных на XIII областной партконференции членов Карельского обкома была репрессирована: 15 человек расстреляли, двое умерли в заключении, 5 человек отправили в лагеря сроком на 8–10 лет, один покончил с собой после исключения из партии, четверо арестованных были освобождены в конце 1930-х годов. В маховик репрессий попали почти все члены бюро обкома партии [16].

Стенограмма XV областной партконференции показывает, что партийный актив поддержал порицание огульных нападков и преследований коммунистов в 1937–1938 гг. Когда выбирали делегатов на XVIII съезд партии, у трех кандидатов оказались репрессированы родственники, однако это не помешало им быть избранными. В то же время корреспондент «Правды» Б. Золотов не набрал нужного количества голосов, хотя представлявший его кандидатуру Н. П. Аристов подчеркивал, что «он оказал большую помощь в разоблачении врагов народа» [9, л. 52].

К концу 1930-х годов НКВД вернулся под контроль партийных органов. Цена это, выдвинувшаяся после массовых репрессий когорты управленцев Карелии была глубоко предана политическому курсу Сталина. «Друга, Учителя и Вождя» славил в выступлениях, ему кричали «Ура!», направляли приветствия и рапорты. Ежегодные многодневные конференции областной парторганизации играли важную роль в продвижении скорректированных идеологических установок центра, формировали

позитивный образ советской действительности, который затем следовало внедрять в сознание простых людей, являлись важным каналом коммуникации руководителей и низовых партийных организаций, способствовали разнонаправленной мобильности политических активистов.

1. Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984 / отв. ред. Е. М. Морозов. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 152 с.
2. Очерки истории Карельской организации КПСС / редкол.: М. Х. Киуру [и др.]. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 589 с.
3. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). – Ф. 3. Оп. 4. Д. 203.
4. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 7.
5. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 10.
6. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 219.
7. НАРК. – Ф. 3 Оп. 5. Д. 220.
8. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 221.
9. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 222.
10. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 196. Тетрадь 5.
11. Филимончик, С. Н. Как в Карелии строили партию-крепость : опыт 1930-х годов / С. Н. Филимончик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 6. – С. 91–99.

Кучик Б.Г.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1919–1939 ГГ.)

Эффективная налоговая система государства должна стимулировать накопление и рациональное использование национального богатства страны, способствовать гармонизации интересов экономики и общества и тем самым обеспечить социально-экономический прогресс общества [12]. Очевидно, что институт налогообложения играет огромную роль не только в экономике, но и во всей социальной сфере. Подтверждение этих слов можно найти в прошении жителя Западной Беларуси Романа Жущы от 18 июля 1931 года в адрес Министерства промышленности и торговли. Небольшой предприниматель из деревни Семеховичи Пинского повета Полесского воеводства просил освободить его от необходимости покупки промышленного свидетельства и налогов при осуществлении торговли по месту жительства ввиду того, что сам он является инвалидом, а на его попечении находятся жена и маленький ребёнок [6, л. 75]. Это прошение отражает не только важность справедливой налоговой системы, но и недостатки системы социального обеспечения Польской республики межвоенного периода. А на социальную политику государству также требуются большие расходы, которые восполняются налогами. Так, доля прямых налогов в объёме бюджета межвоенной Польши составляла от 25 % в 1920-х гг. до 39 % в конце 1930-х гг. Ещё около 30 % доходов составляли монополии государства на алкоголь, табачные изделия, соль и лотереи [14, с. 325].

На практику налогообложения влияет масса факторов – квалификация и культура труда персонала, правовая культура налогоплательщиков, материальное обеспечение учреждений по налогам и сборам, общая экономическая ситуация и другие. При исследовании данных факторов в Западной Беларуси большой интерес представляют документы Государственного архива Брестской области (ГАБО), которые были созданы в результате деятельности различных органов местного управления и самоуправления.

Наибольший интерес представляет Фонд 50 «Брестская казенная палата финансовой секции Гражданского управления Восточных земель Польши (с 1920 – Министерства финансов Польши), г. Брест Брестского (с 18.11.1920 – Полесского) округа (с 04.02.1921 – Полесского воеводства)», охватывающий 1919–1939 годы. С 28 апреля 1921 до апреля 1930 года деятельность данного органа распространялась не только на Полесское, но и на Новогрудское воеводство, то есть охватывала значительную часть Западной Беларуси.

Документы фонда описывают конкретные сложности, возникавшие в процессе становления польской налоговой системы на территории Полесского воеводства. Достаточно полно представлены кадровые проблемы и эффективность сотрудников. Так, в Отчётах ревизоров Казённой палаты (Скарбовой Избы) в Бресте (Брест-над-Бугом) пан Растишевский во время ревизии Правления (Urząd) акциз и государственных монополий упомянутой Избы в 1922 году пришёл к выводу, что начальник данного правления по фамилии Мыц не соответствует занимаемой должности. Мыц мало знаком с ведением акцизной деятельности и имеет в ней мало руководящего опыта, проявляет низкую активность – и даже плохо владеет польским языком. А инспектор Ковальский из Кобрина хоть и проработал 20 лет на Кавказе, но разбирался только в акцизах на вина. При этом имел проблемы по предоставлению отчётности даже по алкоголю и возвращался из инспекций без составленных протоколов о правонарушениях [3, л. 5].